

Хроника Международной научной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию со дня рождения С. В. Бромлей и О. Н. Мораховской»

29–31 октября 2021 г. состоялась очередная, 7-я по счету, Международная конференция «Актуальные проблемы русской диалектологии», проходившая в онлайн-режиме. Как и предыдущие, она была организована отделом диалектологии и лингвогеографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН совместно с Научным советом по лексикологии и лексикографии РАН (сопредседатели: академик А. Е. Аникин и чл.-корр. С. А. Мызников). Конференция посвящалась 100-летию со дня рождения С. В. Бромлей и О. Н. Мораховской — представителей Московской школы диалектологии и лингвогеографии, основанной Р. И. Аванесовым. Софья Владимировна Бромлей, один из самых ярких диалектологов второй половины XX в., была прекрасным организатором науки, главным редактором фундаментального проекта «Диалектологический атлас русского языка (ДАРЯ)». Ольга Николаевна Мораховская, замечательный лексиколог, разработала типологию различий лексико-семантического уровня с учетом самых разнообразных комбинаций признаков, она являлась редактором лексического выпуска ДАРЯ. Идеи и труды С. В. Бромлей и О. Н. Мораховской актуальны и в настоящее время.

В работе конференции приняло участие 79 лингвистов из России, а также из Белоруссии, Великобритании, Китая, Норвегии, Польши, Украины, Чехии. Первые и последние дни были отданы пленарным докладам, посвященным важнейшим проблемам современной науки: корпусной диалектологии, тональным и интонационным различиям славянских диалектов, эволюции современных говоров, исторической интерпретации диалектного материала. Во второй день работало четыре секции: 1. «Фонетика. Грамматика»; 2. «Лексикология и лексикография»; 3. «Лингвокультурология. Речевая коммуникация»; 4. «Ареальная лингвистика. Языковые контакты».

На первом пленарном заседании в докладе **Д. М. Савинова** (Москва) на диалектном материале была рассмотрена проблема соотношения узуса и языковой системы, которая особенно актуальна при описании говоров с семифонемным вокализмом. Исследование автора проводилось с использованием инструментально-фонетических методов, помогающих дать объективную характеристику звуков речи и выявить их значимые признаки для определения места в структуре языка. **Ж. Ж. Варбот** (Москва) в докладе «Русские диалектные данные для реконструкции вокализма некоторых праславянских корней» проанализировала конкретные лексические единицы, содержащие не засвидетельствованные ранее ступени корневого вокализма ряда глагольных этимологических гнезд, например: псков. *набóенный* — к праслав. **biti*. Обнаружение подобных примеров важно, поскольку чем надежнее реконструирован фонемный состав корня с возможными чередованиями вокализма, тем большие возможности это дает для его этимологизации. Доклад **С. Л. Николаева** (Новосибирск, Москва) был посвящен произношению рефлексов **и*, **o* и **õ* в украинских говорах Закарпатья. В двух закарпатских ареалах — ужанском и мараморошском — обычными рефлексами являются **o*, **и* > /u/ и ареальное **õ* (праслав. **o* в «новозакрытых слогах»), также дающее рефлекс /u/:

например, в говоре с. Новоселица Перечинского р-на **dǫbь > dup*, **duxь > dux*, **kotь > диал. *kōtь > kut*. Две особые системы рефлексации **ǫ*, **u*, с одной стороны, и ареального **ō* (< праслав. **o* в слогах перед слабыми **ь*, **ь*) — с другой, обнаружены в говорах, примыкающих к этим ареалам. В говоре с. Убля (Восточная Словакия на границе с Закарпатьем) перед твердыми согласными 1) **ǫ*, **u > /ǫ/* или 2) */u/* и **ō > /u/*. В говорах сс. Русская Мокрая (Тячевский р-н) и Луг (Раховский р-н) в историческом Северном Марамороше представлена система, парадоксальным образом «обратная» к предыдущей, — 1) **ǫ*, **u > /u/* и 2) **ō > /ǫ/* или */u/*. Противоречивые рефлекс **ō* в Убле и в мараморошских говорах объясняются разными путями развития первоначального [o:] («o-долгого») или дифтонга [uo]. Мараморошские говоры с *u*-образным произношением рефлекса **ō* характеризуются пучком изоглосс, которые отличают их от ужанских и объединяют с другими восточнокарпатскими говорами (гуцульскими, покутско-буковинскими). Этим может объясняться разное развитие «o-долгого» или дифтонга в ужанском и мараморошском ареалах, приведшее к независимому совпадению рефлексов в говорах, в которых рефлекс **ǫ*, **u* и **ō* в конечном счете совпали в *u*-образных звуках. В докладе **С. В. Князева** (Москва) «Об описании фразовой просодии в русском литературном языке и диалектах: общее и различное» были представлены результаты экспериментально-фонетического исследования просодической организации высказывания в севернорусском говоре (д. Вадюга Верхнепинежского района Архангельской обл.) с тенденцией к так называемому «пословному тональному оформлению». Полученные результаты свидетельствуют о том, что для оформления высказывания в говоре в целом используются те же просодические средства, что и в литературном языке. Значительное сходство наблюдается и в наборе тональных акцентов: из описанных для говора типов (L+N*, N*+L, L*, L*+N и N*) литературному языку не свойственны только два последних; при этом фонетическая реализация тональных акцентов в говоре и литературном языке различна. Кроме того, верхнепинежские говоры и литературный язык различаются ассоциацией интонационных средств с коммуникативными значениями, в частности, значение незавершенности маркируется в говоре высоким пограничным тоном в отличие от низкого в ЛЯ. Наиболее яркими различиями между описанным говором и ЛЯ являются: тип минимальной интонационной единицы — акцентная группа в говоре и фонетическая синтагма в ЛЯ; дистрибуция тональных акцентов — за счет расширенного употребления в говоре восходящих тонов; большая функциональная нагруженность в говоре заакцентной части высказывания. К проблемам изучения интонации обратилась **Н. С. Вербич** (Украина) в докладе «Интонация украинской литературной и диалектной речи: сопоставительный аспект». Типичный интонационный контур как в литературной, так и в диалектной речи — восходяще-нисходящий. Но в литературной речи отмечается восходящий тон до 1-го ударного слога либо высокий уровень начала звучания, спад тона начинается на слоге с фразовым или логическим ударением. В диалектных текстах восходяще-нисходящий тон имеет разные реализации: в одних говорах, например восточнополюсских, в большинстве случаев тон повышается в начале синтагмы, а спадает после 1-го ударного слога (как в литературном варианте). В других диалектах, например западноволыньских, повышение тона длится до главного ударного слога, спад начинается на ядре или же на заударном слоге и продолжается в затакте. В докладе также сравниваются особенности темпо-ритма и корреляция степени важности информации и длительности ударных слогов в литературной и диалектной речи.

В докладе **А. М. Красовицкого** (Великобритания) «Редукция гласных в севернорусском наречии по данным ДАРЯ» был прослежен процесс разрушения оканья начиная с середины XX в. В результате анализа с использованием геоинформационных методов было выделено три типа вокалических систем, которые предшествовали наблюдаемой сегодня утрате оканья. В докладе **Н. П. Антропова** (Беларусь) «О корреляции материалов двух атласов: общеславянский ↔ белорусский» речь шла об использовании данных «Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы» в работе над «Общеславянским лингвистическим атласом» как при уточнении отдельных фактографических опций, так и в ситуациях, требующих переоценки или научной рефлексии по отношению к тому, что было сделано ранее в национальных атласах.

Т. А. Демешкина (Томск) в докладе «Мир природы в зеркале диалекта (на материале концепта *болото*)» рассматривала познаваемость природного мира в диалектном дискурсе. Моделирование концепта осуществляется через обращение к семантическому полю, которое структурируется лексемами, обозначающими виды болот по различным признакам, и лексемами, репрезентирующими предметно-денотативную сферу, входящую в экосистему *болото*. Лексическая классификация природной реалии дополняется анализом высказываний, эксплицирующих когнитивные основания членения мира, представленные в диалектах. Показана вариативность вербализации концепта, обусловленная его региональной спецификой, а также значимость диалекта для развития русского национального языка. Доклад **Е. А. Нефедовой** (Москва) «Земля: лингвистическая и культурная семантика» был посвящен исследованию семантики общерусского слова в диалектном пространстве, автором проанализированы основные смысловые зоны слова *земля* в архангельских говорах, его свободная и связанная сочетаемость, употребление в составе фразем и как результат — встроенность концепта *земля* в основные семантические оппозиции, формирующие модель мира диалектоносителей. В докладе **Е. Л. Березович** (Екатеринбург) «Лексика камня как “новый” объект диалектологических исследований» отмечено, что, хотя *лексика камня* (условный термин) почти не изучалась диалектологами-русистами как не имеющая связи с крестьянской средой, детальное рассмотрение вопроса демонстрирует, что представления о целом ряде «камней», их добыче, использовании получили номинативное воплощение и в лексике русских говоров. В связи с этим встают практические задачи: выявить тематические сферы, где такие слова встречаются системно, исследовать диалектные зоны, в которых они продуктивны, создать словарь нестандартной лексики камня, включающий не только диалектную, но и социолектную составляющую, а также теоретическая задача — изучить особенности взаимодействия профессиональных и территориальных лексических пластов в современных условиях.

Е. А. Галинская (Москва) выступила с докладом по исторической диалектологии, в котором прослеживается судьба ряда диалектных явлений в новгородских говорах начиная с конца XVI в. Основной материал — новгородские записные книги старых и новых крепостей 1597–1598 гг. Сравнение производилось с данными ДАРЯ, а также с деловыми документами первой половины XVII в. и с диалектными записями конца XIX — первой половины XX в. Выяснилось: 1. распространение произношения [e] на месте ударного *ě вместо более раннего [и] произошло между второй половиной XVII в. и серединой XIX в.; 2. неполное оканье стало зарождаться в новгородских говорах в первой половине XVII в., причем в заударных слогах процесс шел активно, а в преударных — медленно, так что неразличения /a/ и /o/ во втором преударном слоге еще не существовало даже

в начале XX в.; 3. устранение позиционного [w] и окончательное укрепление [ф] в слабых для фонемы /в/ позициях происходило на протяжении первой половины XVII в.; 4. тенденция к исчезновению предлога *ув* появилась в первой половине того же столетия; 5. существующий сейчас синкретизм род.-дат.-предл. падежей с формами на *-ы/-и* сложился в целом к началу XVIII в. В докладе **М. Н. Шевелевой** (Москва) «К истории диалектного будущего типа *иму делать, имём делать*» рассматривалась история глаголов *яти* и *имати* в русском языке в связи с формированием известного в сев.-рус. и ср.-рус. говорах будущего типа *иму делать*. Было показано, что глагол *имати* в северо-западной и северо-восточной зонах древнерусского ареала долго сохранял основу презенса *емл'ь*, вытеснение которой основной *имај-* в русских говорах относится уже к новому времени; в юго-западной части древнерусского ареала основа *имај-* фиксируется раньше и побеждает уже в XIV–XV вв. Др.-рус. глагол *яти* обнаруживает тенденцию к специализации на значении ‘схватить’, на базе которого формируются конструкции со значением будущего, в конце XIV–XV вв. на северо-востоке близкие к грамматикализации; на северо-западе конструкция типа *иму делать* распространяется, видимо, из северо-восточных говоров и из Центра. Утрата в старорусскую эпоху бесприставочной инфинитивной основы *яти* и способность *имати* употребляться в прошедшем времени в значении результативного действия способствует сближению форм типа *иму* с основой глагола *имати*, наиболее употребительного в современных северных говорах именно в значении ‘хватать, ловить’. Актуальная проблема — описание специфики семантики диалектного будущего с *иму* в сравнении с распространенным в XVII в. из западных говоров *буду*. По имеющимся данным можно предполагать обязательность для будущего с *иму* контраста с настоящим, однако необходимо современное семантическое описание этих структур в конкретных диалектных системах. **М. Глушковский** (Польша) в докладе «Функционирование различных идиомов в речи старообрядцев Польши: самооценка, установка, языковая практика» подчеркнул, что основным языком общения старообрядцев является польский как внутри группы, так и за ее пределами, хотя около 50 % до сих пор активно пользуются русским говором, северо-западным по происхождению. Помимо этого, члены общины употребляют церковнославянский в качестве языка сакрального и освоенный во время учебы литературный вариант русского языка. Деревенская часть общины считала говор социальной ценностью и показателем идентичности, а для городских старообрядцев он представлял собой лишь коммуникативный код, употребляемый их предками в деревне. С конца XX в. наблюдается отмирание традиционного языка старообрядцев, обрядов и обычаев в младшем и отчасти в среднем поколении. **А. В. Тер-Аванесова** (Москва) рассмотрела на материале диалектных корпусов и диалектных записей реализацию особой счетной формы существительных при числительных *два, три, четыре, пол, полтора*, которая отличается от формы Р. ед. местом ударения (*нет ни ча́са, но два ча́са*). Изученный материал позволил выделить несколько зон. Южнорусские говоры демонстрируют картину, сходную с литературным языком: особую счетную форму имеют всего несколько существительных: *час, шаг, шар, ряд, след*, в меньшей степени — *раз*. Кроме того, счетная форма зафиксирована у некоторых «инструментально-строительных» терминов: *два зубá* (у бороны), *два ломá* и др. В восточных и северо-восточных говорах счетные формы отмечаются, кроме слов «литературного списка», у названий парных частей тела: *два бокá, два рогá, два глазá*. Два восточных архангельских говора — д. Заяцево Верхнетоемского района

и д. Шотова Гора Пинежского района — демонстрируют специфические системы, нигде больше не зафиксированные: здесь от существительных м. р. с односложным, реже — двусложным корнем и с подвижным ударением достаточно свободно образуется счетная форма, например: Р. ед. *бо́ка*, Сч. *два бока́*, Р. ед. *го́рба*, Сч. *два горба́*, Р. ед. *ли́ста*, Сч. *два листá* и т. д. В этих системах можно предполагать расподобление счетной формы с формой Р. ед. и уподобление ее форме И. мн., как в белорусском языке. Пленарное заседание завершал интересный доклад **И. Б. Качинской** (Москва) «Экзотическая лексика среди терминов родства (по материалам архангельских говоров)», в котором шла речь о необычных, непривычных для носителей литературного языка словах, зафиксированных в рассматриваемой лексико-семантической группе. Отличия от литературного языка в этой группе отмечаются на всех языковых уровнях: фонетическом, словообразовательном, грамматическом, лексическом, семантическом. В докладе были показаны синонимические ряды основных терминов родства (например, ряд ‘мать’ включает 60 лексем и 40 сочетаний, ‘отец’ — 60 лексем и около 30 сочетаний), приведены примеры вариантов обозначения одного и того же понятия, различающихся фонемным составом (*дядя*, *дедя*, *дидюшко*, *дѣдя* ‘дядя’), словообразовательными моделями, в частности разными префиксами (*правбабка*, *прадбабушка*, *предбабушка* и др. ‘прабабушка’), принадлежностью к разным типам склонения, а также случаи многозначности, когда одна и та же лексема обозначает разные понятия, например *чѣча* — ‘сестра’, ‘двоюродная сестра’, ‘тетя’.

В третий день конференции было прочитано восемь пленарных докладов. **Т. И. Вендина** (Москва) говорила о русских диалектах в зеркале культурно-языковой диалектологии и привлекла внимание к принципу разной культурной разработанности частных смыслов, который действует в языке традиционной культуры, показав, что чем важнее для человека понятие, тем шире и глубже языковое пространство, раскрывающее его. Разная лексическая плотность семантического поля свидетельствует о разной культурной значимости слова в диалектах. Такой подход к диалектному слову позволяет выявить своеобразные участки «языкового напряжения» русских диалектов, поскольку механизм языкотворчества включается всегда избирательно. Доклад **И. А. Букринской** и **О. Е. Кармаковой** (Москва) «Противопоставление западных и восточных говоров русского языка (на материале ДАРЯ и Восточнославянских изоглосс)» был посвящен анализу различных классификаций русских говоров, а также выявлению западных изоглосс (в рамках восточнославянского пространства) и северо-западных (в пределах русских говоров). В результате исследования было выделено четыре значимых пучка, характеризующих русский северо-запад: 1. общий северо-западный, 2. общепсковский, 3. новгородско-ладожский, 4. псковско-новгородский, — и проведено сравнение с идиомами, обозначенными А. А. Зализняком для описания языковой ситуации в Новгородской земле XI–XV вв. **А. П. Майоров** (Улан-Удэ) в докладе «Инодиалектные слова в говорах семейских Забайкалья» сообщил о методике, позволяющей определить пути заимствования лексики с помощью сравнения данных словарей разных территорий, — как диалектных, так и исторических. Установление междиалектных контактов проведено с опорой на различные направления исследования: историческое, генетическое, тематическое, структурно-системное. В докладе **С. А. Мызникова** (Санкт-Петербург) «Диалектная лексика в фольклорных текстах e contagio» показано, что разработка лексики фольклора в диалектных словарях сталкивается с большими трудностями: выделением формы заголовочного

слова, определением толкования фольклорного слова, региональной и локальной спецификой фольклорного дискурса в контексте общерусской традиции. Автор отметил, что существенный вклад в исследование семантики фольклорного слова внесла курская школа лингвофольклористики, в рамках которой было введено продуктивное понятие фольклорного диалекта. **М. В. Боброва** (Санкт-Петербург) в докладе «К проблеме составления диалектных фразеологических компендиумов (на примере материалов Пермского края)» указала на источники, лежащие в основе составления подобного словаря, отметила перспективы использования такого обобщающего труда, как пополняемого электронного корпуса, а также говорила о сложностях, стоящих перед диалектологами: различающиеся принципы сбора и отбора материала, неточности и ошибки, допущенные при интерпретации данных. **Л. З. Бояринова** (Смоленск) подняла проблему отражения мотивационных отношений при идеографическом описании лексики. Исследование проведено на материале существительных и прилагательных многогодового «Словаря смоленских говоров», при этом выявлено несколько типов мотивационных отношений между словами, которые позволили показать наличие системных связей исследованных слов не только одного диалекта, но и общерусского языка в синхронии и диахронии. Выступление **С. Гжибовского** (Польша) касалось своеобразия русского старообрядческого говора в Польше. Описываемый идиом в конце XX в. подвергся влиянию польского языка, приведшему к коренным изменениям отдельных участков системы. Это проявилось в лексике (в обилии полонизмов), в синтаксисе и в фонетике: консонантизм говора почти полностью «полонизирован». В говоре сохранились и своеобразные архаические элементы. Все это позволяет назвать говор уникальным этнолектом. Вызвал много вопросов и живое обсуждение доклад **С. А. Крылова** (Москва) «О применении дистрибутивно-статистического подхода в сфере русской диалектологии», где были перечислены и обоснованы особенности этого метода в применении к диалектному материалу. Автор отметил, что предметом количественного моделирования в лексике являются не только сами лексемы, отвлеченные от грамматической комбинаторики, но и статистическое разнообразие лексем в зависимости от частотной неодинаковости их грамматических парадигм. Соответственно, парадигма каждой лексемы представлена в модели как лингвостатистическая таблица, дающая сведения о корпусной употребительности каждой отдельной словоформы данной лексемы. Предметом количественного моделирования в грамматике являются не только сами грамматические формы, «грамматемы», отвлеченные от их лексического наполнения, но и статистическое разнообразие грамматем в зависимости от частотной неодинаковости их лексического заполнения. Соответственно, описание лексического заполнения каждой грамматемы представлено как лингвостатистическая таблица, дающая сведения о корпусной употребительности каждой отдельной словоформы данной грамматемы.

На секции фонетики и грамматики обсуждались актуальные вопросы диалектной фонетики, словообразования, морфологии и морфосинтаксиса, прозвучало 11 докладов. Два сообщения касались проблем интонации в севернорусских говорах. В докладе **М. Пост** (Берген, Норвегия) и **С. В. Князева** (Москва) была охарактеризована интонация общего вопроса в двух севернорусских говорах, в которых широко представлено послоговое тональное оформление — дд. Вадюга и Тинева Верхнетоемского района Архангельской обл. и д. Варзуга Мурманской обл. (Терский берег Белого моря), близкого северным архангельским говорам. Проанализи-

рованы основные сходства и различия в оформлении общих вопросов в указанных говорах — в первую очередь в характере размещения восходящего и нисходящего тональных движений относительно сегментного состава релевантных слов (тайминга). На основании полученных данных обсуждался вопрос о возможной интерпретации той части контура, которая следует за повышением, как 1) второстепенного акцента; 2) тонального движения, являющегося последней частью главного тонального акцента; 3) пограничного тона. Рассматривался также вопрос о том, как могут сосуществовать мелодический контур с ровным тоном на заакцентных словах и тенденция к пословному тональному оформлению высказывания. **М. Ю. Евстигнеева** (Москва) исследовала интонационное оформление фраз с семантикой завершенности в одном севернорусском (вологодском) говоре. Было выделено два типа интонационных контуров, для одного из которых характерно падение тона от начала к концу слова во всех словах фразы, колеблющееся в одном диапазоне. При этом фразовый акцент может отсутствовать. Именно этот интонационный контур характеризуется пословным оформлением и «тоновостью» и является непривычным для носителя литературного языка. Полученные в исследовании результаты соответствуют классификации интонационных контуров в севернорусских говорах, предложенной ранее Р. Ф. Пауфосимой. В трех выступлениях рассматривались вопросы реализации фонем первого предударного слога в акающих говорах и севернорусских говорах с переходным типом вокализма. **С. В. Дьяченко** (Москва) посвятила свой доклад сопоставлению дифтонгов [иа] ([ea]) и [иу] ([eu]) в позиции первого предударного и ударного слогов в говорах с архаическим типом яканья (на материале говора с. Роговатое Старооскольского района Белгородской обл.). Исследователь сравнила спектрограммы и формантные значения частей соответствующих дифтонгов и установила, что дифтонги [иа] ([ea]) в первом предударном и ударном слогах значительно различаются не только по длительности, но и по соотношению *и*-образной (*e*-образной) и *а*-образной частей. В позиции ударного слога *и*-образная часть гораздо более длительна и носит выраженный *и*-образный характер, тогда как в первом предударном слоге первая часть не столь длительна и имеет более *e*-образное звучание. Второй дифтонг — [иу] ([eu]) — устроен иначе: и в ударном, и в первом предударном слогах он имеет примерно одинаковую *и*-образную часть, которая составляет около 50 % всего гласного и не имеет существенных качественных различий в позиции ударного и первого предударного слогов. Таким образом, было показано, что при транскрипции ударных дифтонгов целесообразно использовать значки [иа] и [иу], а при транскрипции предударных — [ea] и [eu]. **Е. В. Корпечкова** (Москва) представила количественную и качественную характеристики гласных первого предударного слога в двух белгородских говорах с жиздринским типом диссимилятивного аканья и с разными типами предударного яканья — суджанским и щигровским. Было отмечено также, что на выбор гласного первого предударного слога после мягкого согласного могут влиять акцентологические, грамматические и лексические факторы (тип ударения, особенности словоизменения, принадлежность к определенной части речи, род и падежная форма и др.). Рассмотренный материал позволяет пронаблюдать, в каких позициях архаическое состояние фонетической системы сохраняется наиболее устойчиво, какие факторы способны затормозить или, наоборот, ускорить изменения в отдельных словоформах. **Т. Н. Коробейникова** (Москва) исследовала реализации фонем /o/ и /a/ в первом предударном слоге в кировском говоре, для которого характерна постепенная утрата оканья. Анализировались

данные от трех информантов 1932, 1955 и 1998 г. р. Было установлено, что система говора стремится к унификации качества гласного на месте /a/ и /o/ в первом предударном слоге. При этом в идиолекте самой младшей по возрасту информантки наблюдается, во-первых, меньшая вариативность реализаций гласных в рассматриваемой позиции и, во-вторых, меньшая зависимость их от качества соседних согласных. Было сделано предположение, что сжатие артикуляционного пространства влечет за собой сдвиг безударных гласных в центральную зону, постепенную унификацию их качества и меньшую зависимость от консонантного контекста. **Н. В. Удалов** (Набережные Челны) рассказал о фонетических особенностях говора представительницы старообрядческой семьи Агафьи Карповны Лыковой на материале 16 часов аудиозаписей из экспедиций Казанского университета 1984 и 1986 гг. Акающая речь Агафьи Лыковой резко отличается от полноокающего говора ее отца — Карпа Иосифовича — по темпу, ритмо-динамической структуре слова, реализации аффрикат и шипящих и другим чертам. Речь Агафьи сформировалась под влиянием матери, которая являлась носителем вторичного акающего говора, сложившегося в Сибири в условиях контактирования полноокающих говоров с акающими. Кроме того, говор Агафьи имеет ряд общесибирских черт, в том числе севернорусских.

Л. Н. Новикова (Тверь) в докладе «Когнитивный аспект диалектного словообразования (на материале тверских говоров)» представила наблюдения над словообразовательными процессами, происходящими в тверских говорах, по данным словаря «Селигер: материалы по русской диалектологии». Была выявлена тесная взаимосвязь когнитивных и коммуникативных процессов, которая обуславливает необходимость двойного подхода к анализу производного слова: статического или динамического. Специфической чертой диалектного словообразования является особая дистрибуция морфем в производном слове, отличающая его от словообразования литературного языка. Процесс стихийного словотворчества, функционально обусловленный, помогает диалектоносителям использовать деривационный потенциал языка, комплекс ассоциативных связей, которые извлекают из глубин сознания иногда совершенно неожиданные сочетания морфем в производных словах говора.

Два доклада были посвящены формам 3-го л. настоящего времени глагола. **Н. В. Маркова** (Петрозаводск) в своем выступлении основное внимание уделила способам выражения этой формы в говорах Заонежья: окончаниям без *-т* в формах ед. и мн. числа, а также окончаниям с *-т* и *-ть* в соответствии с числовым значением формы. Эти флексии сохраняются в современном заонежском диалекте и употребляются в одинаковых синтаксических конструкциях (полных и неполных двусоставных и неопределенно-личных). Таким образом, они являются дублетами, морфологическими вариантами, отражающими разные исторические этапы в формировании личных окончаний. В докладе **Т. И. Мурзаевой** (Саратов) «Формы глаголов 3 лица в одном из южнорусских говоров Саратовской области» по материалам экспедиции 2019 г. были показаны особенности употребления форм с *-ть* и форм без конечного согласного в окончаниях в говоре с. Николаевка Ивантеевского района. Установлено, что актуализация форм без *-ть* зависит от числа (только в единственном) и места ударения (только на основе) и не обусловлена ни спряжением глагола, ни местом положения в речевой единице.

А. В. Мальшева (Москва) проанализировала употребление форм прямого объекта при глаголе с отрицанием на материале трех западнорусских электронных

диалектных корпусов, созданных в 2020–2021 гг. Это исследование является продолжением начатого ранее статистического изучения регионального варьирования форм аккузатива и генитива при отрицании. В корпусе селигеро-торжковских говоров д. Лужниково доля генитивных форм составляет 21 %, в корпусе Хиславичского района Смоленской обл. — 34 %. Более высокий процент генитива — 63 % — обнаруживается в материале д. Нехочи Хвастовичского района Калужской обл. По употреблению форм прямого объекта при отрицании нехочинский говор сближается с изученными ранее севернорусскими системами, а также с говором с. Спиридонова Буда Злынковского района Брянской обл. Таким образом, новые данные электронных корпусов подтверждают наличие генитивных зон на юго-западе европейской территории России. Оживленную дискуссию вызвало выступление **М. В. Ермоловой** (Москва), которая рассказала о функционировании причастных форм в речи носительницы псковского (опочецкого) говора. Было показано, что в рамках одной диалектной системы данная грамматическая форма может использоваться в разных функциях: в результативных значениях со связкой и без, в функции глагольного обстоятельства и атрибута. Для диалектных примеров приводились соответствия из памятников письменности древне- и старорусского периодов. В заключение было отмечено, что причастный перфект является в современном псковском говоре живой грамматической категорией, сохраняющейся также в речи младшего поколения.

На секции «Лексикология и лексикография» прозвучало 16 докладов. На заседании шла речь о создании новых лексикографических трудов, проблемах выделения актуальных мотивационных признаков при номинации диалектной лексемы; отдельная часть заседания была посвящена вопросам функционирования общерусских и просторечных лексем в говорах, микропонимии и этимологии. Открыл заседание доклад **М. Д. Корольковой** (Санкт-Петербург) «Ремесленная лексика как объект диалектной лексикографии», в котором были рассмотрены состав и особенности терминологической лексики в русских говорах. Автор затронул проблему лексикографического описания общерусских ремесленных терминов. **Е. П. Андреева** (Вологда) в докладе «*Жиндадарин, аред, ерыкало и артиль*: экспрессивные наименования лиц в усть-кубинских говорах» рассказала о лексемах — номинациях человека, содержащих такие семы, как пейоративность, эмоциональность, обреченность. Был выделен ряд лексико-семантических групп в составе данной тематической группы, рассмотрены продуктивные словообразовательные и семантические модели экспрессивов, а также этимология отдельных слов. **Л. А. Дубцова** (Томск) проанализировала атрибутивные конструкции с лексемой *время* в томских говорах (основной источник — Томский диалектный корпус). Они используются носителями говора с целью характеристики природного времени, времени как физической величины, социального времени. Аtribuтивные конструкции указывают на ценностные ориентиры информантов и способствуют выявлению значимых временных отрезков в диалектной картине мира. Совместный доклад **И. Б. Иткина** и **С. В. Дьяченко** (Москва) был посвящен критическому анализу лексикографического представления прилагательного *зрячий* в «Словаре русских народных говоров». Авторы показали, что вместо трех указанных в СРНГ омонимов в говорах реально функционируют только две омонимичные лексемы. Таким образом, лексикографическое представление прилагательного *зрячий* в словаре нуждается в существенных уточнениях с опорой на четкое разграничение значений, относящихся к глаголу *зреть*, с одной стороны, и к наречию *зря* — с другой. Доклад

Е. В. Колесниковой (Москва) затронул проблему семантики общерусского слова в диалекте на примере прилагательного *желтый*. Было продемонстрировано, что диалектное слово *желтый* отличается от литературного значительно более широким диапазоном значений, в том числе архаических; многие значения, совпадающие с литературными, стилистически маркированы; лексема характеризуется иным набором парадигматических отношений по сравнению с литературным языком. **А. В. Ширкунова** (Псков) предприняла попытку раскрыть роль отсубстантивных относительных прилагательных в установлении связей между наименованиями предметов реального мира. **Е. В. Колосько** (Санкт-Петербург) привлекла внимание к проблеме отражения в диалектных словарях диалектно-просторечной лексики. В работе были рассмотрены устойчивые диалектные и просторечные сочетания, объединенные широко распространенным в разговорной речи местоимением *чѣ*. Сделан вывод о необходимости введения в диалектный словарь просторечной лексики, тесно связанной с диалектной, — как отдельных слов, так и устойчивых сочетаний. **Л. А. Дмитрук** (Кострома) проанализировала лексему *намедни* в драматургическом тексте А. Н. Островского и проследила семантические и стилистические трансформации данной лексемы в костромских говорах и литературном языке. **М. В. Флягина** (Ростов-на-Дону) подняла важный для диалектной лексикологии в целом вопрос определения мотивировочного признака, лежащего в основе названия. Докладчик убедительно продемонстрировала, что в процессе номинации в первую очередь участвуют те объекты, которые представляют утилитарный интерес для человека, а потому анализ моделей номинации и установление мотивировочных признаков апеллятивов позволяет реконструировать номинативную деятельность носителей языка, а также определить их ценности и приоритеты в освоении окружающего мира. Проблемы мотивации в диалекте были также затронуты в докладе **М. О. Леонтьевой** (Екатеринбург), посвященном анализу соматической лексики, где показано, что части тела, которые связаны с физическим трудом или могут быть повреждены, травмированы во время работы, имеют в говорах большое количество наименований. Особую номинацию получают также части тела, которые не справляются со своими задачами (*коляги* — ‘неловкие, неловкие руки’). **А. В. Войтенко** (Москва) в докладе «Подмосковная микроонимия в лексикографической перспективе» рассказала о возможностях составления словаря идеографического типа, в котором может быть представлен собранный сотрудниками Московского государственного областного университета в экспедициях с 1990 по 2007 г. материал по микропонимике и антропонимике Подмосковья. При этом были продемонстрированы пробные словарные статьи по одному из районов Московской области. Доклад **Г. Д. Негановой** (Кострома) посвящался анализу народных ландшафтных терминов, в частности двух групп: названий возвышенного равнинного рельефа и понижений, в основном болот и мест на болоте. Выявлен достаточно широкий набор языковых единиц, номинирующих формы равнинного рельефа. В докладе обращалось особое внимание на семантическое содержание и толкование однокоренных терминов. **Е. В. Цветкова** (Кострома) также затронула проблему анализа географической терминологии в микропонимии, выбрав для исследования названия, образованные от слова *лыва* ‘лужа’, ‘яма с водой’, ‘пруд’, ‘болото’ и др. Автором было установлено, что семантика апеллятива в значительной степени сохраняется в производных от него микропонимиях, а также отмечено, что данная группа в основном образуется путем прямого перехода географического термина в микропоним (яма *Лыва*, озеро *Лыва*) либо по схеме

«географический термин + определение» (*Панкова лыва*). В докладе **И. А. Горбушиной** (Москва) речь шла о русском диалектном, распространенном в северном наречии наименовании *путик* 'охотничья тропа'. Вопрос о происхождении этого слова остался открытым, наибольшего внимания заслуживают три этимологии: 1) деминутив от *путь*; 2) производное от *путать*; 3) заимствование из прибалтийско-финских языков. Все три версии были рассмотрены автором в контексте сходных словообразовательных и семантических моделей с учетом возможного метафорического или метонимического переноса значения. **Я. В. Малькова** (Екатеринбург) описала этимологию трех диалектных лексем с семантикой брезгливости: пск., твер. *посвірывать* 'привередничать, брезговать'; калуж. *кóбзовать* 'брезговать'; дон. *скабѣжливый* 'брезгливый'. **Т. В. Шалаева** (Москва) проанализировала происхождение двух русских диалектных лексем, отмеченных в севернорусских архангельских говорах: *плоть* 'вранье, враки' и *ша́ки* 'плечи; верхняя часть спины'. Первая из них была рассмотрена как результат развития значения русского диалектного слова *плоть* 'перхоть', вторая — как фонетический и лексико-семантический вариант формы *ша́хи* 'подпорки стога; шести, колья'.

На секции 3 «Лингвокультурология. Речевая коммуникация» было сделано 16 докладов. В своем выступлении **И. И. Русинова** (Пермь) охарактеризовала лексические единицы, называющие человека со сверхъестественными свойствами, включая и их ареальное описание. В мифологических рассказах и в говорах Пермского края для обозначения указанного персонажа используется несколько корней, от которых по разным моделям образуются однословные и неоднословные единицы. Наибольшее количество наименований связано с общерусскими корнями (*-вед-*, *-ерет-/ерек-*, *-зна-*, *-колд-/холд-*). Слова с этими корнями не дают ареалов и фиксируются во всех районах Пермского края. Ареалы на территории края имеют прежде всего такие единицы, у которых нет соответствий в литературном языке. Материал, приведенный в докладе **О. Д. Суриковой** (Екатеринбург), убедительно доказал, что деантропонимные имена разных объектов и существ восточнославянского фольклора, считавшиеся немотивированными, могут иметь ярко выраженную лингвистическую мотивированность. Наиболее наглядно это видно на примере заговорных имен змей, которые подразделяются на несколько основных категорий: отапеллятивные имена собственные, имена, совпадающие с антропонимами, имена, возникшие в результате стремления к табуизации и имеющие глоссолатическую природу. **Л. А. Климова** (Арзамас) в докладе «Мифологические рассказы: диалектный дискурс» рассмотрела номинации мифологических персонажей (духов inferнальной сферы) в нижегородских говорах Окско-Волжско-Сурского междуречья, а также употребление этих единиц в фольклорных текстах из коллекции кафедры русского языка Арзамасского пединститута. Корпус этих текстов содержит свыше 400 демонологем. Доклад **Л. А. Инютиной** (Новосибирск) затронул проблему реконструкции пространственной картины мира у носителей сибирских старожильческих говоров в начальный период их формирования (XVII в.). В качестве одного из способов решения этой задачи предложен когнитивно-семантический анализ лексики, выражающей реальное и мысленное освоение пространства Сибири. Источниками выборки послужили три региональных исторических словаря. Сделан вывод, что значительный сегмент проанализированной лексики, как глагольной, так и пространственно-номинативной, отражает процессы активного продвижения русских переселенцев по новым землям и их освоения. **Я. В. Мызникова** (Санкт-Петербург) в докладе «“Это не хвала — истинная правда”: адресат

и адресант в диалектном дискурсе» рассмотрела особенности коммуникативного акта между информантом и собирателем. Для правильного и успешного общения важно учитывать систему ценностей адресата, который является представителем деревенского социума с иной картиной мира. В докладе «Диалектная коммуникация: особенности повествования» **И. А. Букринская** и **О. Е. Кармакова** (Москва) продемонстрировали на примере спонтанной речи информантов-мужчин особый, как они его назвали, линейно-документальный тип развертывания текста, когда повествование идет в четкой временной последовательности, с редкими самоперебивами. Такой рассказ резко отличается от более распространенного линейно-ассоциативного типа рассказов-воспоминаний, характеризующегося многочисленными отступлениями от сюжетной линии, обращениями к слушателю, диалогичностью. Авторы полагают, что использование того или иного типа повествования зависит от личности говорящего, его интенций, адресата, тематики и объема текста.

И. И. Макеева (Москва) в докладе «О некоторых диалектных особенностях списков Кормчей ранней русской редакции» сообщила, что до нашего времени дошло шесть старших списков русской Кормчей, о месте создания которых свидетельствуют их диалектные особенности. Из этих рукописей с точки зрения текстологии и языковых особенностей близки Арадская кормчая XV в. и Погодинская конца XVI в. (юго-западные); Варсонофьевская XIV в. кормчая (северо-запад) и первая часть Харьковской кормчей сер. XV в. (новгородская). В каждой паре рукописей имеются общие и частные языковые черты, которые были подробно рассмотрены. Общие для пар рукописей диалектные особенности каждый писец отразил в разной степени. Было обращено внимание и еще на один аспект: отношение писцов к инодиалектным явлениям. В докладе **С. С. Земичевой**, **А. А. Васильченко**, **Л. А. Дубцовой** (Томск) «Текстовая разметка Томского диалектного корпуса: количественные результаты» представлены итоги реализации проекта по созданию дискурсивно размеченного текстового корпуса на материале говоров Среднего Приобья. Проект включает три модуля: текстовый, грамматический (морфологический) и лексикографический (толкования диалектных слов). Текстовая разметка предполагает маркирование темы, жанра и типа текста. В докладе были кратко охарактеризованы принципы разметки, представлен частотный список макротем и тем, речевых и фольклорных жанров. **Л. Ю. Зорина** (Вологда) в докладе «Ещё раз о диалектных благопожеланиях» остановилась на характеристике этикетных формул, зафиксированных в говорах Усть-Кубинского района Вологодской обл., в которых функционирует целая система трудовых благопожеланий, например: *Беленько мыть!* — стирающему белье; *Струя в руку!* — тому, кто доит корову; *Дай Бог не последний клоч!* — стригущему овцу и др. Такие единицы представляют собой звенья некогда существовавшей детализированной системы и характеризуются устойчивостью, повторяемостью, формульностью, органичностью использования в речи. В докладе **Н. В. Большаковой** (Псков) «Труд как маркер детской идентичности (на материале диалектной речи и традиционного фольклора)» на псковском материале было показано, что трудовая деятельность в традиционной культуре является общественно значимым признаком взрослости. Именно труд как основа социального поведения выполняет защитную функцию для подростка, позволяя преодолеть негативные последствия кризиса идентичности. **Е. Н. Ильина** (Вологда) в докладе «Вербализация представлений о региональной идентичности в борбушинском говоре» рассматривала когнитивную, эмоциональную, ценностную, регулятивную составляющие речевой самоидентификации жителей д. Борбушина

Кирилловского р-на Вологодской обл. Целью доклада **Р. В. Ронько** (Москва) «Прайминг переключения кодов в опочечких говорах: корпусное исследование» было выявление тенденции носителей языка использовать заданную предыдущим контекстом конструкцию (прайминг) на разных языковых уровнях: лексическом, грамматическом, фонетическом. При этом была отмечена связь прайминга со стабильностью/нестабильностью диалектной системы. Доклад **Е. С. Смирнова** (Красноярск) «Устный ангарский текст как транслятор кровнородственного культурного кода» продемонстрировал тот факт, что тексты старожилов позволяют обнаружить влияние различных культурных кодов и субкодов на традиционную лингвокультуру Северного Приангарья. В докладе **С. М. Беляковой** (Тюмень) была представлена попытка систематизации инвективной лексики, функционирующей в тюменских говорах. В частности, отмечены семантико-мотивационные отличия между инвективами, адресованными одному лицу или коллективу, а также очерчены основные тематические сферы, служащие источниками инвективов (животный мир, народная мифология, сакральная сфера, болезни и др.). **Е. Э. Базаров** (Москва) в докладе «Замкнуть зал / замкнуться в зале: на границе регионального и просторечного» рассуждал о функциональной неоднозначности слов, имеющих пограничный статус между просторечием и регионализмом (или диалектизмом), о трудностях в подаче их значений в толковом словаре, а также о разном и дискуссионности стилистических помет в нормативных словарях.

Секция «Ареальная лингвистика. Языковые контакты» была представлена 12 докладами, в 7 из которых шла речь о говорах старообрядцев. В первых двух выступлениях внимание было сосредоточено на русских конфессиональных группах Южной Америки. В докладе **Н. Г. Архиповой** (Благовещенск) рассматривались сборники песен, исполнявшихся на свадебном девичнике. На множестве ярких примеров было показано, что они отличаются жанрово-тематическим своеобразием, имеют особенности графики и орфографии и содержат богатый материал для исследования диалектных явлений говоров старообрядцев. **С. Л. Ронгонен** (Санкт-Петербург) рассказала о рукописной поваренной книге, обнаруженной в 2016 г. во время экспедиции в с. Любитовка Хабаровского края, где компактно проживают русские старообрядцы-реэмигранты из Латинской Америки. Найденная рукопись является источником для изучения своеобразной лексики носителей говора, сохраняющего как традиционные диалектные элементы, так и иноязычные: испанские, португальские, в меньшей степени английские и китайские. **Е. А. Оглезнева** (Томск) и **О. В. Пустовалов** (Томск, Хэйхэ, КНР) в совместном докладе «Русские говоры китайского Трехречья в современной языковой ситуации» представили результаты научных экспедиций 2017–2018 гг. в китайские села Эньхэ, Сучин, г. Лабудалинь, во время которых изучалась речь и языковая компетенция потомков русских переселенцев разных поколений. Исследователи считают, что важной особенностью современных русских говоров в китайском Трехречье является их интерферированный характер. **Л. Н. Доница** (Санкт-Петербург) в докладе «Говор казаков-уральцев в современном Каракалпакстане» дала обзор материалов экспедиции 2019 г. к старообрядцам, потомкам яицких казаков. Было обращено внимание на то, что информанты активно используют лексику, связанную со старообрядчеством, и помнят фонетические и морфологические черты материнского говора, хотя редко используют их в речи. В итоге обследования говор предварительно был оценен как сохранный, нуждающийся в дальнейшем изучении. Об островном русском говоре старообрядцев в польскоязычном окружении шла речь в докладе

Д. Пасько-Конэчняк (Торунь, Польша) «Лексические гибридные формы в русском говоре старообрядцев, проживающих в Польше». Автор, в частности, отметил, что, хотя в современном говоре сохранились многие псковские диалектные черты, он подвергается влиянию польского языка на всех уровнях. Более подробно были проанализированы различные механизмы образования лексических гибридных форм. В основу доклада **Т. П. Лёнигрен** (Тромсё, Норвегия) «Неопубликованные материалы диалектологической экспедиции к казакам-некрасовцам» легли записи двух полевых дневников Е. Г. Буровой, сотрудника отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН, сделанные в сентябре 1959 г. во время экспедиции в Приморско-Ахтарский район Краснодарского края к вернувшимся из Турции старообрядцам. Были кратко изложены результаты сопоставления основных черт говора казаков-некрасовцев, отмеченных в полевых дневниках Е. Г. Буровой, в публикациях М. А. Полторацкой и в языке трех писем старообрядцев из Турции к репатрированным родственникам. Объектом анализа в докладе **О. Ю. Крючковой** (Саратов) были записи речи потомственного старообрядца 1920 г. р., коренного жителя с. Белогорное Вольского района Саратовской обл. На богатом материале показано, что речь информанта представляет собой «смешанный» текст, который, являясь типично диалектным, характеризуется выраженным влиянием книжной, в том числе церковнославянской, культуры, причем религиозная, устаревшая, книжно-литературная лексика функционирует в речи в «диалектной аранжировке». Подобный феномен определяется синтезом разных типов языковых культур в коммуникативной компетенции говорящего. Доклад **Ю. А. Шкураток** (Пермь) «Русские диалектные заимствования в коми-пермяцкой мифологической лексике» основан на анализе коми-пермяцких мифологических нарративов, которые содержат большое количество русских наименований мифологических персонажей и их действий. Процесс заимствования отражает культурное влияние русских на мировоззрение коми-пермяков начиная с XI–XII вв. Проблеме терминологии был посвящен доклад **Н. С. Ганцовской** (Кострома) «Костромские говоры: к определению понятия». Автор отметила, что понятие *костромские говоры* до сих пор не имеет строгого терминологического статуса, указала причины его размытости, а также предложила варианты определения понятия. В докладе **Т. Е. Баженовой** (Самара) «Характеристика говоров Среднего Поволжья по лингвогеографическим данным» основное внимание было уделено готовящемуся к изданию «Лексическому атласу самарских говоров», состоящему из 84 карт, на которых представлено более 410 лексем и лексико-семантических вариантов. Докладчица подчеркнула, что в условиях сложного лингвистического ландшафта Среднего Поволжья задача лингвогеографической репрезентации диалектной лексики является одной из наиболее трудных. Доклад **Д. А. Вашичковой** (Прага, Чехия) «Многочисленные названия домашних птиц в южнокарпатских говорах» посвящался проблемам полисемии/омонимии. На основе сравнения значений, а также предполагаемой мотивации и этимологии многочисленных названий домашних птиц на территории Словакии и Закарпатья были сделаны выводы об отнесенности этих диалектизмов к омонимам или полисемантам. Доклад **В. А. Пыхова** (Москва) «Ареалы наименований куропатки в славянских диалектах» основывался на материале карты названий куропатки в Общеславянском лингвистическом атласе, серия «Животный мир», на которой представлено 12 наименований. В результате тщательного анализа материала докладчик резюмировал, что мозаичность ареалов исследуемого явления наглядно отражает вариативность в использовании лексико-словообразовательных

средств при номинации объектов окружающей действительности и является свидетельством того, что славянские диалекты, сохраняя общность, шли каждый своим путем.

Надо отметить, что большинство докладов вызвали вопросы и живое обсуждение коллег. Участники считают, что, несмотря на онлайн-режим, конференция прошла плодотворно. На канале YouTube ИРЯ РАН можно ознакомиться с записями докладов. К началу конференции был издан сборник материалов, включающий 85 статей, их можно прочитать на сайте ИРЯ¹.

**International Conference “Actual Problems of Russian Dialectology:
On occasion of the 100th anniversary
of Sofya V. Bromley and Olga N. Morakhovskaya”**

*И. А. Букринская, О. Е. Кармакова,
Е. В. Колесникова, А. В. Мальшева*
Институт русского языка им. В. В.
Виноградова РАН
(Москва, Россия)
dialects@mail.ru

Т. П. Лённгрен
Университет Тромсё — Арктиче-
ский Университет Норвегии
(Тромсё, Норвегия)
tamara.lonngren@uit.no

*Irina A. Bukrinskaya, Olga E. Karmakova,
Elena V. Kolesnikova, Anna V. Malysheva*
Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
dialects@mail.ru

Tamara P. Lönngrén
Universitetet i Tromsø — Norges Arkti-
ske Universitet
(Tromsø, Norway)
tamara.lonngren@uit.no

Получено 20.12.2021

Received on December 20, 2021

doi.org/10.31912/rjano-2022.1.11

53-е Виноградовские чтения в МГУ

19 января 2022 г. на филологическом факультете МГУ в онлайн-формате прошли 53-е Виноградовские чтения, посвященные 80-летию книги В. В. Виноградова «Стиль Пушкина». Тема чтений — «Вклад академика В. В. Виноградова в развитие стилистики художественной речи».

С приветственным словом к собравшимся обратилась президент филологического факультета, заведующая кафедрой русского языка М. Л. Ремнева, которая отметила ценность научных трудов академика В. В. Виноградова для филологического факультета МГУ и кафедры русского языка, для развития филологической науки на современном этапе ее развития.

Программу чтений открыла профессор О. Г. Ревзина (МГУ), выступившая с докладом «“Образ мира, в слове явленный”»: В. В. Виноградов о языке и стиле лите-

¹ См. https://www.ruslang.ru/sites/default/files/2021-12/dialect2021_materialy.pdf.